

УДК 340.1

ИНТЕГРАТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВА И ПРАВОВЫХ СИСТЕМ КАК УСЛОВИЕ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

В. М. Хомич

Белорусский государственный экономический университет,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Диалектически существует два полюса понимания и взаимодействия права: один полюс права представлен и провозглашен человечеством — это право на свободу слова, право на возмещение вреда, право на образование, право на безопасное сосуществование и т. п.; другой полюс прав — это законы, написанные законодателем, доступные для прочтения и изучения. Задача науки состоит в том, чтобы изучать, как эти два полюса права согласуются и как второй полюс прав обеспечивает реализацию первого полюса прав. При этом следует иметь в виду, что второй полюс прав — это право, уже сформированное, смоделированное и обеспеченное принуждением, находящееся под защитой государственной воли. Однако есть одна закономерность, которая состоит в том, что эффективность второго полюса прав снижается, когда из него уходит договорная часть и усиливается императивно-принуждающая.

Ключевые слова: право, правовая система, интегративное правопонимание, базовые правовые ценности, действительное право.

Annotation. Dialectically, there are two poles of understanding and interaction of law: one pole of law is presented and proclaimed by humanity — this is the right to freedom of speech, the right to compensation for damage, the right to education, the right to safe coexistence, etc. The other pole of rights are laws written by the legislator, available for reading and studying. And the task of science is to study how these two poles of law are consistent and how the second pole of rights ensures the implementation of the first pole of rights. It should be borne in mind that the second pole of rights is a law that has already been formed, modeled and provided by coercion, protected by the will of the state. However, there is one pattern, which is that the effectiveness of the second pole of rights decreases when the contractual part leaves it and the imperative-coercive part is strengthened. Actually, this and related things are described in this publication.

Keywords: law, legal system, integrative legal understanding, basic legal values, actual law.

Длительность нахождения Республики Беларусь в социально-политических условиях, допускающих внешнее информационное воздействие на общественное сознание идей и взглядов псевдомемократического, ложно-исторического и иного деструктивного характера, оказала разрушительное воздействие на общественное сознание и на состояние правовой системы,

определила неустойчивость и неспособность разрешать социальные противоречия правовыми средствами [1, с. 106–124]. Оказавшись под влиянием новой реальности, общественное сознание далеко не всегда сегодня демонстрирует безоговорочную готовность адекватно воспринимать эту реальность и соответствовать ей, что делает его неоднородным, разрозненным, противоречивым, нестабильным и, как результат, — потенциально высококриминогенным. Непременным следствием происходящих изменений стало отсутствие сколько-нибудь значимого единства в мировоззренческих представлениях относительно номенклатуры и содержания базовых правовых ценностей. Увеличение множества ценностных ориентаций в праве и правопонимании осуществлялось на фоне конкурентной борьбы за человека, но в силу пока неведомых причин мы потеряли ведущую институциональную основу общества — коллективные представления об общем праве, что считается фундаментом построения гуманитарной правовой системы (конструирования объективной социальной реальности) [2, с. 122].

Несмотря на значительные изыскания юридической (мировой и отечественной) науки относительно сути феномена права — его роли в организации и самоорганизации социальных сообществ на принципах добра, равенства, свободы, справедливости и должного стандарта суверенности социальной ответственности каждого и всех членов общества, включая публичную власть, за обеспечение указанных общечеловеческих ценностей, однозначного подхода к определению такого контекста содержательно-функционального понимания права в жизни человеческих сообществ не наблюдается прежде всего в социальных практиках развития человеческой цивилизации. И юридическая наука, следуя в фарватере требований социальных конструкций экономического бытия, стремилась находить и объяснять реальность феномена права и его ценность в жизни общества сообразно его историческому состоянию. И в этом всегда (как и сегодня) была заинтересована публичная власть с момента ее зарождения, прежде всего, с целью обоснования своего права быть сувереном в формировании права и по отношению к себе, и по отношению к обществу. Отсюда понятно и объяснимо, почему за исходную позицию в понимании права тогда и сегодня берут божественную или государственную волю либо пытаются их объединить. Обусловлено это тем, что государство давно монополизировало феномен правопонимания и правообъяснения, равно как и систему правообразования и правоприменения как общесоциальную ценность, применяемую в «общих» интересах.

Наличие сегодня, как и прежде, различных подходов к пониманию права хотя и содействовало выявлению глубинных свойств проявления действительного права на уровне личностной и общественной самоорганизации

человеческого сообщества на условиях и правилах безопасного взаимодействия между людьми, однако не позволяло субъектно и объектно определиться с общечеловеческими истоками, приоритетами и уровнем социально ценностной ориентации правового регулирования. О том, что право своим содержанием (правилами, дозволениями, обязыванием, запретами и т. п.) выражало и выражает поныне волю господствующего класса и что в классических и постклассических формах эту преобразованную в право волю формирует и выражает государственная власть, всем хорошо известно и общепринято. Но со времен Манифеста, о котором мы почему-то забываем, было провозглашено, что *право — это не только воля господствующего класса*, и человечеству хотелось бы, чтобы право выражало и волю людей, народа, граждан государства через систему сбалансированных обществом и подконтрольных ему публичных отношений. Известный белорусский теоретик права С. Е. Данилюк, ссылаясь на античного философа Протогора, который провозгласил человека мерой всех вещей, и, исходя из антропологической трактовки меры, заключает, что именно человек является *главным и единственным определителем меры* всего сущего и действительного, в том числе законодательства [3, с. 78]. Хорошо, если бы речь шла о правовой позиции, согласно которой человек (народ) является пусть и не единственным, но приоритетно равным в определении меры действительного права в законодательстве. Но далее автор, обращаясь к действительно сложной цивилизационно-правовой проблеме — поиску правовой соразмерности в необходимости ограничения прав и свобод человека политико-организованным обществом в целях его безопасного существования, полагает, что ограничения допустимы, *если* предусмотрены законом, *если* преследуют правомерную цель и *если* необходимы в демократическом обществе [3, с. 78]. Каждое из этих «если» не выражает само по себе наличие правовой мерности (правовой законности) установленных в законодательстве ограничений прав и свобод человека, если нет в этом правовой определенности в их необходимости с позиции общесоциальной безопасности человека и гражданина — для чего и для обеспечения каких и (или) чьих интересов они устанавливаются.

Неопределенность правовой мерности законодательства (позитивного права, то есть права, формируемого государством) исторически обусловлена и обременяется давно утвердившимся теоретическим положением о том, что право — это неотъемлемый институт государства и оно всегда вторично. Между тем право есть, прежде всего, естественный результат развития человечества, человеческой цивилизации, обусловленный объективной закономерностью объединения людей в человеческие сообщества для совместной деятельности и обеспечения безопасного существования и выживания посредством

определения согласованных нормативов безопасного поведения и взаимодействия между членами сообщества. Право как социально-культурный и *автономный* феномен человеческого сообщества сформировалось до появления публично организованных в государство человеческих цивилизаций.

Полагаем, что право в социально и политически организованном обществе интегрально и предназначено (должно быть предназначено) для общего блага социального бытия человека, а правовая мерность позитивного права (законодательства) должна определяться уровнем нормативно-правового обеспечения общечеловеческих ценностей, неотъемлемых прав и свобод человека в единстве с его обязанностями и ответственностью в контексте общественно-исторического и прогрессивного развития человечества. Поэтому, по нашему мнению, исходным в понимании сути, смысла и предназначения права является такое понимание права и правового закона, которое вынуждает и обязывает государство (законодателя и всю систему государственного управления и административного властвования) подчиняться и выполнять требования социально сбалансированного приоритета общечеловеческих правовых ценностей (права на равенство, права на безопасную для других, общества и государства свободу распоряжаться собственной свободой, право на гарантированную государством справедливую защиту судом и в суде своего права, в том числе нарушенного системой государственного управления и публично-властного нормирования).

Сегодня давно утвердившимся историческим фактом является то, что право с появлением государства формировалось и формируется государством и рассматривается им как правовой инструмент (к сожалению, только как *инструмент*) государственного управления, к тому же потенциально принуждающего характера. Тезис о том, что право является инструментом и не может командовать государством — создателем права — вот давнее социально-историческое противоречие прошлых и современных правовых систем. Государства исторически давно, с момента их появления в форме организованной публичной власти над обществом, монополизировали на так называемой патерналистской основе право на формирование объективного (позитивного) права с позиций властного господства и продолжают пользоваться этим монопольным правом с тех же позиций и с той же интенсивностью. Как результат такой правовой политики — наблюдаемое циклически то ослабевающее, то усиливающее отчуждение человека от государственно-правового пространства регулирования и его результатов, возрастающая конфликтность и напряженность в правовой и деловой коммуникации граждан между собой, с обществом и государством [4, с. 5–19; 5, с. 5–13]. Появляется состояние социальной неустойчивости и необеспеченности безопасности общественного бытия людей и

поддержания устойчивого правопорядка, а отсюда и кризис доверия к политическим институтам государственности и их решениям. В таких условиях со стороны государства усиливается принуждающий потенциал в правовом регулировании и обеспечении стабильного правопорядка. Это связано с отсутствием единой системы ценностей в обществе, посредством которых трактуются социальные практики правопорядка и в которых воспроизводится правовая система социума. Его (правопорядок), как отмечает И. Л. Честнов, «образуют субъекты права, их взаимодействия и правовые фреймы», «наиболее сложными проблемами являются определение интересов субъектов правопорядка и его легитимности», то есть «механизм воспроизводства правопорядка», который «включает стадии экстернализации, объективации, селекции и легитимации» [6, с. 16–21].

Право, формируемое государством, выполняет и способно выполнять важную позитивную роль в деятельности политически организованного сообщества людей при условии, что оно, контролируя гражданское общество, одновременно легитимируется им и тем самым воздействует и на создателя права (законодательную и исполнительную власть), обязывая ее гарантированно соблюдать правовую (общесоциальную) мерность и гармонию в обеспечении и защите человеческого потенциала государственных образований. Право изначально задумывалось и потенциально формировалось условиях и с целью сохранения возможности управлять и контролировать самого создателя права. И эта функция должна обеспечиваться государством и должна быть возложена на правосудную власть (судебную власть). Она и только она имеет право распоряжаться делами о соблюдении законодательной и исполнительной властью верховенства права и правовой общесоциальной мерности в системе правового регулирования и правоприменения законодательства, рассматривать споры о правовой мерности законодательных норм (по традиционной терминологии — о конституционности законодательных актов), выносить решения по таким спорам правоустанавливающие или правоизменяющие решения, обязательные для субъектов как частно-правовых, так и публично-правовых отношений. Действительное право наделяет и не может не наделять судебную власть соответственно полномочиями и компетенциями контролировать законодателя и исполнительную власть и при необходимости интегрировать в законодательство или в его применение правовые позиции [7, с. 6–7]. Задача органов государственного управления и суда (судебной власти) — служить усилению права, а не практиковать регулятивно-управляемое и принудительно-правовое воздействие, которое не имеет никакого отношения к действительному праву. При этом никто не должен питать иллюзий по поводу необходимости силового обеспечения правовых по содержанию и целеполаганию предписаний.

Принцип «воздавать каждому свое» — это тоже право из арсенала средств принуждения к действительному праву.

В своих изысканиях сущностных основ права и, в частности, *уяснения сущности права* в уголовном праве исходим из интегративной концепции или теории понимания права, что, однако, не означает отрицания значимости в познании права иных классических и постклассических теорий правопонимания. В силу универсального свойства интегративное правопонимание объединяет различные подходы в отношении понимания сущности и предназначения права как социально-культурной ценности человечества, раскрывая антропологическое и аксиологическое соотношение права и морали, закона и права, правовых и иных социальных норм и, конечно, экономики и права. На состоявшемся в феврале 2017 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации круглом столе «Интегративное понимание права» В. В. Лазарев дал такое общее определение интегративному праву: «Право — это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспечиваемых официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом». Практическая ценность такого определения, по его мнению, состоит в том, что оно дает возможность достаточно определенно сказать, что является правом в том или другом сообществе людей в данное время. Это определение отражает реалии и тем самым претендует на то, чтобы право в конкретный исторический период определялось с учетом того, насколько оно служило и служит интересам участников правовых отношений. Оно снимает противоречивость разных суждений о праве. Нормативы права могут устанавливаться не только в нормативных актах, но и вырабатываться в индивидуальных решениях и коллективных коммуникациях людей. Важно, чтобы они (нормативы) по своему содержанию отражали формальные требования равенства и справедливости и были легитимированы (признаны) публичной властью, например, судебной, чем обеспечивается и возможность государственного принуждения к несоблюдающим нормативы права. Социальная оценка прав и обязанностей участников правового общения не сводится только к общему признанию взаимосвязи и единства трех или более его атрибутов в виде свободы, равенства и справедливости, а представляет собой воплощение требований соблюдения определенной ответственной свободы, ответственного равенства и ответственной законной справедливости.

В объективном смысле право призвано определять правомерное поведение людей, которое, как и противоправное поведение, проявляется через конфликты участников общественных отношений путем их бесконфликтного предупреждения и разрешения. Вопрос состоит в том, реализует ли современное

позитивное право (право, утверждаемое государством) указанную социальную функцию. По большому счету — да, поскольку правовые акты публичной власти всегда легитимны, во всяком случае они так воспринимаются. В свою очередь, в контексте права они далеко не совершенны, поскольку всегда позиционируют приоритет безопасности интересов государства, а не конкретного человека с его неотчуждаемыми правами на достойную жизнь в обществе.

-
1. Дамаскин О. В. Государство и право в условиях кризиса современной цивилизации // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2 (16). С. 106–124. [Вернуться к статье](#)
 2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Данилюк С. Е. Право как выражение универсальной меры регулирования: теоретико-конституциональные аспекты // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. 2022. № 3. С. 76–100. [Вернуться к статье](#)
 4. Агамиров К. В. Правовое отчуждение государств — участников Евразийской интеграции от гражданских обществ своих стран в контексте проблемы справедливости // Справедливость в постсоветском правовом порядке: понятие, принцип, цель : сб. ст. М. : Юрлитинформ, 2021. С. 5–19. [Вернуться к статье](#)
 5. Честнов И. Л. Модернизация права в постсовременном обществе: смена парадигмы // Журн. рос. права. 2021. С. 5–13. [Вернуться к статье](#)
 6. Честнов И. Л. Правовый порядок в ситуации постмодерна // Вестн. Акад. права и управления. 2017. № 3 (48). С. 16–21. [Вернуться к статье](#)
 7. Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журн. рос. права. 2017. № 7. С. 5–18. [Вернуться к статье](#)